

Почему М. Вебер? Немецкая история повседневности в поисках методологической основы

В статье проанализированы причины обращения исследователей истории повседневности в Германии к работам М. Вебера и рассмотрено их влияние на становление методологии немецкой истории повседневности. Х. Медик, А. Людтке и их коллеги заимствовали подход М. Вебера к классификации «идеальных типов» поведения для того, чтобы эмпирически проверить на локальном материале, насколько эта теория находит воплощение в реальности. В центре внимания – работа «Протестантская этика и дух капитализма», так как проект изучения протоиндустриализации соответствовал поиску влияния протестантской этики на формирование капитализма. Обращение к авторитету М. Вебера способствовало противостоянию нападкам сторонников традиционной социальной истории.

Ключевые слова: немецкая история повседневности, М. Вебер, А. Людтке, Х. Медик, Alltagsgeschichte.

Немецкая история повседневности, Alltagsgeschichte, начала свое конституирование как новая исследовательская программа с конца 1970-х годов, и ее становление совпало с актуализацией в Германии путей модернизации исторической науки.

Волна общественного интереса к недавнему тоталитарному прошлому страны вызвала инициативы со стороны историков-любителей, активных в сборе исторических свидетельств, но не проявлявших профессионализма в историописании, большей частью локального характера.

В Италии в это время К. Гинзбург и К. Пони находят основания для нового подхода к изучению истории: «...огромное количество материалов, представленных в итальянских архивах, должно быть рассмотрено как повод проверить парадигмы и правила количественной науки»¹. Смена научной парадигмы имеет в основе прежде всего изменение объекта изучения, которым должны стать, по их

мнению, деревенские сообщества, небольшие группы людей или семьи или же отдельные индивиды. Новый объект требует новых способов изучения. Э. Мьюир пишет, что «они хотели сместить центр, посвященный социальным отношениям и взаимодействиям между историческими лицами, которые... на самом деле существовали и пережили жизнь как череду событий... Отслеживание имен лиц является центральным в их методе»². Но имена должны быть выбраны из массы доступной информации не любые, а те, которые наиболее важны и показательны. Они не всегда важны в своей статистической повторяемости. Напротив, всегда существует то, что Э. Гренди назвал «оксюмороном» – «нормальной ненормальностью». К. Гинзбург выделяет два значения этого выражения. Первое подразумевает изучение источников, которые свидетельствуют о поведении незначительных, подчиненных групп людей, по определению исключительных тогда, когда они находятся в состоянии мятежа против нравов и верований. Второе значение «оксюморона» состоит в том, что единичные, исключительные по своему содержанию документы ценны намного более, чем тысячи стереотипных документов, систематически искажающих реальную жизнь определенных групп людей. В отказе от статистически повторяемых документов и обращении к «нормальной ненормальности» и выявляется их поворот к новому методу³.

Могло ли немецкое научное сообщество никак не реагировать на формирование микроистории в Италии? Рост числа любительских локальных исследований на родине и их острое обсуждение в академической среде способствовали формированию в Германии особой, отличной от других европейских стран почвы для восприятия зарубежных микроисторических исследований.

Интеграция в немецкую науку микроистории должна была преодолеть негативное отношение к локальным исследованиям со стороны значительной части академической среды, чтившей традиции немецкой школы социальной истории. Научный традиционализм противостоял и местному любительскому историописанию, и новаторству как таковому. Он имел к тому же в значительной степени патриотический характер, поскольку отечественная школа социальной истории воспринималась как антагонист новой и смелой зарубежной методологии микроисследований. Характерно, в частности, весьма оппозиционное отношение к микроистории М. Маурера. Он, анализируя книгу К. Гинзбурга о мельнике Меноккио, заявил, что микроисторические работы – «книги, которые ни один немецкий историк не будет писать». Техника повествования, использованная Гинзбургом в работе «Сыр и черви», проверяется им как «свойственная новейшей истории скандалов»,

и это высказывание распространяется им на всю микроисторию⁴. М. Маурер в буквальном смысле проявил научную «брезгливость», предостерегая коллег от соприкосновения с “*histoire scandaleuse*”. Конечно, подобная позиция не может не иметь отношения к борьбе за собственный статус в научной среде.

Однако некоторые немецкие историки ощущали необходимость становления в Германии научно обоснованного подхода к проведению локальных исследований по крайней мере не менее остро, чем их оппоненты – «брезгливость».

Патриотизм, противопоставление профессионализма любительству и опора на научные традиции стали основой для отрицания микроистории в Германии потому, что являются ценностными ориентирами для ученого, полемика против которых бессильна.

Для того чтобы отстоять проведение локальных исследований и сформировать собственную научную методологию, сторонники микроистории апеллировали к тем же ценностям, что и их оппоненты. Хранителем научных ценностей является авторитет, поэтому, чтобы отстоять право на новаторство, необходимо было обратиться к таким авторитетам в немецкой науке, которые в достаточной степени являли собой образец как профессионализма, так и патриотизма. М. Вебер подходил на эту роль более других и, как оказалось, не только в ценностном, но и в методологическом отношении. Обращение к его трудам состоялось в связи с тем, что развитие микроисторической методологии в Германии предпринималось в рамках попыток модернизации традиционной социальной истории.

Уже в середине 1970-х годов в Институте им. Макса Планка был задуман новый проект с тем, чтобы соединить общие гипотезы о значении ремесленного производства периода зарождения капитализма в сельской местности с региональными и локальными эмпирическими исследованиями.

Данный проект изучения протоиндустриализации нашел индивидуальный фокус трансформации социологических и исторических идей, относимых прежде всего к всемирно известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»⁵. В соответствии с оценкой этой работы Р. Арона, «...она затрагивает проблемы чрезвычайной важности. Первая носит исторический характер и ставит вопрос: в какой степени некоторые протестантские секты, или, точнее, их протестантский дух повлияли на формирование капитализма? Вторая – теоретическая, или социологическая: в каком смысле понимание экономических действий требует в исследовании обращения к религиозным верованиям, к мировоззренческим системам действующих индивидов?»⁶.

Таким образом, М. Вебер выступает одновременно и как историк, и как социолог. Историческая задача в его исследовании сопряжена с социологической, поскольку ответ на вопрос о влиянии протестантского духа на формирование капитализма невозможен без выяснения мировоззренческих систем индивидов. Написание работы исторического плана является для него способом эмпирической проверки собственной социологической гипотезы, которая, по мнению Р. Арона, означает, что «осознание субъективных значений тех или иных поступков подразумевает необходимость классификации категорий или типов социального поведения»⁷.

В соответствии с классификацией М. Вебера «поведение» может быть следующих типов: целерациональным, ценностно-рациональным, аффективным и традиционным⁸. Вопросу типологизации подлежит и идеальный тип ученого, деятельность которого, с точки зрения М. Вебера, должна являться одновременно и целерациональной, и ценностно-рациональной по отношению к истине.

Авторы проекта изучения протоиндустриализации видят в работе «Протестантская этика и дух капитализма» знакомый способ типологизации «идеальных типов» социального поведения, работающих в соответствии с целерациональными, ценностно-рациональными и иными образцами.

Протестантская этика обуславливает «идеальный тип» поведения, аналогичный образу ученого в том, что деятельность протестанта является одновременно и целерациональной, и ценностно-рациональной. Более того, любое целерациональное поведение должно быть одновременно и ценностно-рациональным, так как «человеческие деяния, создающие ценности, носят творческий характер или определяются таковыми через соотношение с ценностями»⁹.

Соответственно в эмпирической проверке на историческом материале классификации типов социального поведения автора интересуют прежде всего ценностные установки индивидов и их влияние на развитие общества.

Стремление к классификации не всегда может выдержать эмпирическую проверку, основанную на документальных свидетельствах. Локальные документы способны опровергнуть всеобщность любой классификации.

Х. Медик, один из основателей немецкой истории повседневности, указывает, что его «собственные исследования на тему жизни и выживания в протоиндустриальном сельском местечке на плоскогорье швабской Юры с конца XVII по XIX в. прошли путь проблемно ориентированной “истории целого в подробностях”».

На основе развернутой реконструкции деталей и совокупности источников была разработана система исследования и изложения, которая позволила избежать исчезновения конкретных прожитых жизней в “среднестатистическом” источнике и при этом, однако, использовать преимущества серийно-статистического анализа, в том числе и в рассуждениях по более широким проблемам. В свете классической социальной истории полученные результаты могли бы рассматриваться скорее как парадоксальные и непоказательные... Если рассматривать этот пример в глобальной европейской или даже только центральноевропейской перспективе, то он будет выглядеть как непоказательный, как исключение. Однако для своего региона и общества... пример Лайхингена выступает скорее как значимая “особенность” или как нормальное исключение, если принять термин, который Эдуардо Гренди сознательно построил как оксюморон с учетом специфических достижений и подходов исторического микроанализа»¹⁰.

Возможность оксюморона присутствует везде, где существует общая классификация, и это оправдывает необходимость микроистории. Х. Медик не опровергает общего значения выводов М. Вебера относительно влияния протестантской этики на формирование капитализма. Этого не делают и другие авторы проекта изучения протоиндустриализации. Отстаивая возможность «нормальной ненормальности», и, соответственно, необходимости ее изучения, они комбинировали в своих исследованиях самые разные именные источники по отдельным лицам, семьям и домохозяйствам. Ю. Шлюмбом, М. Кром, Т. Зоколл считали, что такой подход к комбинированию источников соответствовал тому, что предлагали К. Гинзбург и К. Пони в 1979 г.¹¹

М. Вебер оказывается методологически близким им по нескольким причинам. Во-первых, для социолога М. Вебера обращение к историческому материалу являлось способом проверки социологической теории. Изучающие повседневность на локальном материале историки делают в точности то же самое. И, соответственно, М. Вебер близок им и в отношении к возможностям исторической эмпирики, способной подтвердить или же опровергнуть обобщающую гипотезу. Во-вторых, родство обнаруживается в подходах к анализу социального поведения, который базируется на поиске объединяющих то или иное сообщество ценностных установок, к тому же обуславливающих тип поведения этих сообществ. В то же время поиск и определение типа соответствия социальных категорий, идет ли речь о поведении или подразумевается нечто иное, свидетельствуют о стремлении к типологизации как таковой, классификации по типам изучаемых сообществ. Поэтому утверждение

о допустимости погрешности социологической классификации в отношении конкретного исторического материала отнюдь не означает отрицание необходимости классификации как таковой. Здесь историки, изучающие повседневность, возможно, обнаруживают не меньшее стремление к генерализации истории, нежели М. Вебер. Частные исключения возможны тогда, когда есть общая норма.

Для М. Вебера его знаменитая книга являлась эмпирическим опровержением исторического материализма, способом отрицания экономической теории развития истории К. Маркса, поэтому он предпринял разработку типов социального поведения и установил их зависимость от ценностей.

Культурно ориентированная социология М. Вебера оказалась во многом исчерпывающей для историков, работавших над формированием подходов к локальным исследованиям, потому что любое микросообщество объединяется повторяющимися в своем развитии типами поведения и общими ценностями.

Определение локусов, функционирующих в соответствии с установленными правилами, универсально, и иная терминология, обращающаяся к повторяемости типов поведения, возвращает к генерализующему методу их изучения. В том числе это касается и термина «полиморфная синхронность», заимствованного А. Людтке у своего оппонента Ю. Кокки и подразумевающего, что «одно и то же классовое положение людей (например, принадлежность к рабочему классу) создает основу для наличия у них взаимных общих интересов, открывает возможность обмениваться совместным опытом, надеждами и опасениями, образовывать организации и вести совместные действия... В данном свете рабочая история предстает как совокупность синхронно конкурирующих между собой структур (экономических, гендерных, этнических, конфессиональных и др.), «пропахивающих глубокие борозды» в рабочем глазе и создающих его «неопределенную» многослойность (полиморфию)»¹². Таким образом, для А. Людтке, как и для Х. Медика, и для многих других их коллег в Германии программа истории повседневности представляет собой «концепцию изучения прошлого через историю повседневных социальных практик в любых сферах и на всех «этажах» жизни общества»¹³. Изучение истории повседневности заставляет задуматься о существовании «внутренней» логики в действиях людей, основанной на многофакторности реальной жизни¹⁴.

Переход к изучению господствующих в обществе социальных практик по-прежнему оставляет исследователя в пределах ценностных ориентиров, поскольку именно они доминируют в определении «внутренней» логики действий отдельных индивидов

или сообществ. И этот факт также возвращает А. Людке к теории М. Вебера. А. Людке приблизился к позиции М. Вебера и в отношении к классовому анализу К. Маркса, категорично заявив о его отрицании и прямо выразив мнение о том, что классовый анализ исчерпал свои познавательные возможности. К этому выводу он пришел в процессе изучения рабочего класса в фашистской Германии, обнаружив, что классовый анализ несколько не приближает к пониманию глубинных процессов в рабочей среде, складывавшихся под влиянием тоталитаризма.

Характерно, что практически все исследования А. Людке ориентированы на изучение индустриального труда, даже когда речь идет о военной службе, которую он тоже рассматривает как особого рода работу. Подобное ограничение в тематике и подходах к ее изучению свидетельствует о том, что по существу А. Людке придерживался установленных в сотрудничестве с Х. Медиком подходов к локальному изучению индустриального труда, определяющих поиск норм поведения в том или ином сообществе. Исключительное поведение отдельных индивидов или их групп, не вписывающееся в принятую систему и в то же время обусловленное определенными ценностями, стало основой для выводов о необходимости применения микроподходов как со стороны историков, изучавших процесс протоиндустриализации XVII–XIX вв., так и ученых, специализировавшихся на изучении рабочей среды в условиях функционирования тоталитарных режимов XX в.

Тесное сотрудничество лидеров в изучении истории повседневности привело к тому, что они практически одинаково формулируют методологические параллели между немецкой историей повседневности и итальянской микроисторией.

А. Людке сообщает, что «методологический аппарат, призванный помочь нам в реконструкции повседневной жизни и способов поведения людей, является частью направления, получившего название микроистория. В нее входят “case studies”, т. е. исследования отдельных биографий, или, чаще, включенные в локальные контексты деревни, городские районы. Законное место в истории повседневности занимают долговременные континуитеты и изменения, охватывающие 2–3 столетия»¹⁵. Это мнение заметно совпадает с высказыванием Х. Медика о том, что микроистория вырабатывает собственные методы.

Как и в итальянской микроистории, «центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянным в истории»¹⁶. А. Людке отмечает, что «именно изучение повседневности в нацистский период, которое началось в Германии с конца 70-х гг., получило широкий общественный

резонанс и обострило полемику даже в частных разговорах по поводу специфики своей и чужой-либо истории»¹⁷. Таким образом, для А. Людтке историки, занимающие определенные методологические позиции, одновременно отстаивают и конкретные политические воззрения: «При таком внимании к большим структурам и экономической конъюнктуре не возникало особой потребности восстановить в памяти лица и голоса людей, прежде всего тех, которые не принадлежали к правящей элите или бюрократии»¹⁸.

Позиция А. Людтке в отношении методологии микроистории близка к пониманию культуры Х. Медика, считавшего, что культурная практика создает сеть повседневных отношений и выражает то, как общество в данное время и в данном месте увидело и отразило свое отношение к миру.

Полемически такая позиция историков направлена против тех, кто считает, что микроисторические исследования не способны к теоретическим обобщениям. А. Людтке и Х. Медик декларируют необходимость восприятия микроистории на основе немецкой классической науки. Характерно, в частности, высказывание Х. Медика о том, что «микроистория – сестра истории быта, но кое в чем она идет своим путем, а именно: когда вырабатывает собственные методы, когда, следуя своим методическим посылкам, пересматривает и реконструирует категории классической социальной истории, когда, наконец, ратует за полифоническое многообразие масштабов и способов изложения материала, будь то на уровне макроистории, или “глобальной истории”»¹⁹. В формулировке данной позиции обращают на себя внимание следующие положения: 1) сравнение с историей быта; 2) конструирование главного отличия микроистории от истории быта как направления, которое вырабатывает собственные методы; 3) реконструирование категорий классической социальной истории. Внимание к изучению статистически повторяющихся источников и использование преимуществ серийно-статистического анализа таким образом, с одной стороны, определяет отличие от итальянской микроистории, с другой – формирует инструмент реконструирования категорий немецкой социальной истории, что становится определяющим отличием от истории быта.

Столь остро отстаиваемое стремление к теоретическим обобщениям могло быть реализовано немецкими специалистами в микроистории только в обращении к генерализующим историю концепциям отечественных ученых. Благодаря их авторитету, в первую очередь, М. Вебера удалось сформулировать и отстаивать микроисторическую методологию в Германии. Идеи М. Вебера были столь прочно внедрены в основание микроподходов к изучению истории

в Германии, что приобретает право на свое существование вопрос о том, насколько стремление к теоретическим обобщениям отвечает желанию генерализации истории. Поставленный вопрос в контексте бесконечной типологизации и классификации практик поведения вряд ли может быть решен однозначно, поскольку всегда возможна «нормальная ненормальность» и ответ на него будет зависеть от того, опровергает или подтверждает тот или иной оксюморон общие нормы, воспроизводятся они только локально или более широко, за пределами локуса.

Примечания

- ¹ *Ginzburg C., Poni C.* The Name and the Game: Unequal exchange and the Historiographic Marketplace // *Microhistory and the Lost Peoples of Europe* / Ed. by E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore; L., 1991. P. 3.
- ² *Muir E.* Introduction // *Microhistory and the Lost Peoples of Europe...* P. X.
- ³ *Ibid.* P. VIII.
- ⁴ *Maurer M.* Geschichte und Geschichten. Anmerkungen zum publizistischen Ort der neueren "histoire scandaleuse" // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1991. Jg. 42. S. 688–691.
- ⁵ Произведение выдержало множество переизданий и на немецком, и на русском языке. См., например: *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014.
- ⁶ *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 563.
- ⁷ Там же. С. 490.
- ⁸ См. подробнее об этом: *Вебер М.* Мотивы социального действия // *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. С. 471–472.
- ⁹ См.: *Арон Р.* Указ. соч. С. 496.
- ¹⁰ *Медик Х.* Микроистория // *Thesis*. 1994. Вып. 4. С. 196–198.
- ¹¹ *Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // *Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории*. СПб., 2003. С. 17–18.
- ¹² *Соколов А.К., Журавлев С.В.* Введение: Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России // *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 33.
- ¹³ *Журавлев С.В.* Предисловие: История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Там же. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история: Ежегодник: 1998–1999*. М., 1999. С. 90.
- ¹⁶ Там же. С. 77.
- ¹⁷ Там же. С. 78.
- ¹⁸ Там же. С. 80.
- ¹⁹ *Медик Х.* Указ. соч. С. 193.